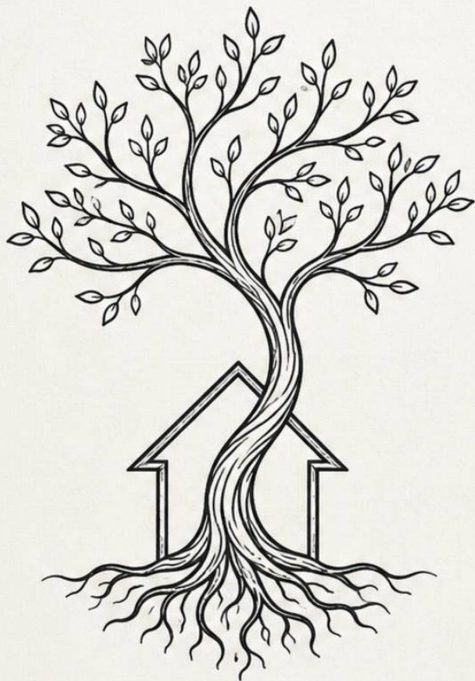

Место, где я остался

Севак Аветисян

РОМАН

Sevak Avetisyan

Место, где я остался

<https://litres.ru/74316472>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Место, где я остался» — роман о человеке, который всю жизнь умеет только одно: уходить.

Он меняет города, работы и людей, убеждая себя, что просто ищет своё место. Но за постоянным бегством скрывается страх — снова привязаться, снова полюбить и снова потерять.

После очередного увольнения герой начинает постепенно замечать то, мимо чего раньше проходил: смех маленьких племянниц, старые фотографии, случайные встречи, память о человеке, которого больше нет, и женщину, которую он любил все эти годы, но держал на безопасном расстоянии.

Иногда, чтобы найти своё место, не нужно искать новую дверь. Нужно впервые решиться не уйти.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Sevak Avetisyan

Место, где я остался

Глава 1

Знаете, есть один вопрос, который я задаю себе каждое утро — ещё до того, как открою глаза. Не «который час». А — зачем.

Смешно, да? Взрослый человек, а лежит и спрашивает себя «зачем», как ребёнок. Но позвольте, я расскажу вам, к чему я пришёл.

За окном — Лондон. Серое небо, которое никогда толком не решает, идти дождю или нет. Внизу уже гудит город: люди спешат к своим поездам, прижимая к груди кофе, как единственное доказательство, что они ещё живы. Я смотрю на них и думаю — сколько из них сегодня спросили себя «зачем»?

Нам всем в детстве рассказали одну и ту же сказку. Будто мир устроен так: ты работаешь, ты копишь, ты отдаёшь долги — и однажды, где-то там, за горизонтом, начинается жизнь. Настоящая. Я слушал эту сказку так долго, что перестал замечать: это не сказка. Это приговор. Только суда никто не устраивал.

Я менял города, менял работы — не потому что искал ме-

сто получше, а потому что искал людей, которые не превратились в свою должность. И каждый раз находил одно и то же. Одну и ту же комнату. Двери были разными, но внутри всегда было одинаково. Нас всех завели туда, повесили табличку «свобода» и ушли, довольные собой.

А потом случилось странное. Я заметил, что могу не выходить на работу десять дней подряд — и мне будет совершенно всё равно. Не бунт. Не облегчение. Просто — всё равно, как будто во мне что-то тихо выключили.

Позвольте рассказать вам о дне, когда я в очередной раз ушёл. Это была моя девятнадцатая работа, если считать с самого начала. Я как-то сосчитал их в такси, от скуки, и сам себе не поверил.

Начальник — назовём его мистер Хейл, хотя дело не в имени, они у меня все сливаются в одно лицо — вызвал меня в свой кабинет с видом человека, который собирается сделать мне одолжение. «Через полгода — повышение», — сказал он, глядя не на меня, а куда-то вверх, будто читал это с невидимого листа за моей спиной. Тем же тоном, каким читают прогноз погоды.

Я кивнул. Сказал «спасибо». А внутри — внутри что-то кричало так громко, что я удивился, как он не услышал. Не словами. Просто — нет. Нет, нет, нет.

Но я никогда не кричу вслух. Это, пожалуй, единственное, что я хорошо усвоил в этой жизни: крик ничего не меняет, кроме мнения людей о тебе. А я не хочу, чтобы обо мне что-

то думали. Я хочу уйти тихо и не вернуться.

Вечером я написал заявление. Одна строчка. Без причин.

Из старых друзей — а у меня их всего трое, и это не случайность, это выбор — только один, Марк, спросил меня прямо: «Опять?» Не с осуждением. С усталостью человека, который уже видел это тридцать раз и знает, что спорить бесполезно.

«Опять», — ответил я.

Он больше ничего не спросил. За это я его и люблю — за то, что он не пытается меня чинить.

Марк умеет молчать, когда молчание нужно. Но не в этот раз.

Мы сидели в пабе — том самом, куда я хожу после каждого увольнения, будто это ритуал, будто пиво знает какое-то заклинание против пустоты. Я вышел покурить, как выхожу всегда, когда разговор подбирается слишком близко к тому, что я не готов слышать. Стоял у входа, затягивался, смотрел на мокрую улицу и думал, что, наверное, у каждого человека есть свой способ держать руки занятыми, пока голова не выдержала ещё одной правды. У меня — сигарета. Пачка в день превращается в полторы, когда внутри становится тесно, а тесно мне становится часто.

Марк вышел следом, встал рядом, не говоря ни слова, просто дожидаясь, пока я докурю. Потом мы вернулись за стол, и он долго крутил стакан в руках, а потом сказал, не глядя на меня:

— Тебе тридцать четыре.

— Я умею считать, — ответил я, уже нашаривая в кармане пачку — рука сама тянулась туда каждый раз, когда разговор становился неудобным.

— Я не про счёт. Я про то, что ты снова один. Опять без работы, опять без... — он замолчал, подбирая слово помягче, но не нашёл и сказал как есть, — без всего. Без женщины рядом. Без места, которое ты называешь своим. Годы идут, а ты стоишь на месте — только место каждый раз новое.

Я хотел рассмеяться, но не смог. Достал сигарету, покрутил в пальцах, не закуривая — в пабе было нельзя, но руки всё равно просили, чтобы им дали хоть что-то держать. Он был прав, и от этого стало только хуже.

— Ты думаешь, я не вижу? — сказал я тихо. — Каждый раз, когда ты и Дэн женитесь, крестите детей, покупаете дома — я радуюсь за вас. Честно. Но внутри что-то спрашивает: а почему у меня не получается захотеть того же? Почему всё это выглядит для меня как ещё одна комната с табличкой «свобода»?

Марк посмотрел на меня — не с жалостью, что я ценю в нём больше всего, а с каким-то усталым пониманием.

— Может, ты просто ещё не нашёл свою дверь, — сказал он. — Не ту, которую тебе кто-то показал. Свою.

Я ничего не ответил. Но его слова остались во мне. Не как совет. Скорее как вопрос, на который я пока не умел ответить.

Я не ответил. Встал, положил на стойку деньги — больше, чем нужно было за моё пиво, будто хотел откупиться от разговора, который сам же начал. Марк ничего не сказал. Он давно научился меня не удерживать — знает, что это бесполезно, что я всё равно уйду, если решил.

На улице было холодно, и дождь — тот самый лондонский дождь, который не идёт, а просто висит в воздухе, будто город и сам не может решить, плакать ему или нет. Я закурил, наконец, ту сигарету, что крутил в руках весь вечер, поднял воротник и пошёл, не выбирая направления. Просто шёл, куря одну за другой, будто дым мог заменить собой все те слова, что я не сказал Марку в ответ.

Мимо проезжали автобусы, полные людей, которые ехали домой — к кому-то, куда-то, где их ждут. Я смотрел на светящиеся окна квартир наверху и думал: за каждым из них — своя комната с табличкой. И, может, они тоже стоят сейчас у окна и смотрят вниз, на таких, как я, думая, что мы свободны.

Я шёл под дождём и снова думал о его словах. «Свою дверь».

Странно, но раньше я никогда не думал об этом именно так.

Я всё время искал другую работу. Другой город. Других людей.

Но, возможно, проблема была не в дверях.

Возможно, я вообще не знал, куда хочу войти.

Я дошёл до дома, поднялся по лестнице, лёг, не раздеваясь. Свет я не включил — хватало того, что падал с улицы через шторы.

На тумбочке, у кровати, стояли две фотографии. Я на них почти не смотрю — не потому что забыл, а потому что помню слишком хорошо, и иногда лучше просто знать, что они там, чем каждый раз в них всматриваться. На одной — две девочки, смеющиеся так, будто смех — это единственное, что они умеют делать по-настоящему. На другой — снимок постарше, немного выцветший по краям, где я не один.

Я не стал их брать в руки. Просто лежал и смотрел на них издалека, как смотрят на маяк — не подходя ближе, а зная, что он там, и этого достаточно, чтобы не потеряться совсем.

Телефон завибрировал на тумбочке, рядом с фотографиями. Я знал, не глядя, кто это может быть — в такой час пишет только один человек.

Её звали Эмма. Хотя, если честно, для меня она никогда не переставала быть просто «она» — как будто имя было слишком маленьким словом для того места, которое она заняла и не покинула.

«Не спишь?» — было в сообщении.

Я смотрел на экран дольше, чем требовалось, чтобы прочитать три слова. Мы не виделись — сколько? Три года, может, четыре. Она вышла замуж, когда я ещё не решился сказать ей то, что должен был сказать. Потом развелась. Родился мальчик — не мой, но иногда, глядя на его фотографии,

которые она изредка присылала, я ловил себя на мысли, что мог бы быть его отцом, в другой жизни, в другом городе, где я не убегал бы из каждой комнаты.

Мы разговаривали. Часто. Но только так — через экран, через буквы, через тот безопасный километраж, который не даёт ни ей, ни мне подойти слишком близко.

«Не сплю», — написал я.

«Как всегда», — ответила она. Я почти услышал в этом смешок, тот самый, который я помнил с тех времён, когда всё это было гораздо проще.

Мы писали друг другу ещё немного — ни о чём, обо всём. Потом она пожелала спокойной ночи. Как делала уже сотни раз. И экран погас.

Я лежал в темноте, между двумя фотографиями, которые молчали, и телефоном, который только что тоже замолчал. И подумал: может, и она — тоже комната с табличкой «свобода», в которую я сам не захожу, хотя дверь давно не заперта.

Я не знал, кто из нас боится больше.

Завтра я снова проснусь и задам себе тот же вопрос — зачем.

Тогда я ещё не знал, что совсем скоро у меня появится причина искать ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.